

УДК 821.161.1-1

Е. В. ХИНКИЛАДЗЕ

СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

В статье предлагается типология исторической тематики в прозе первой «волны» русской эмиграции. Обращение к русской истории ставило своей целью не только постичь ее логику, понять причинно-следственные связи в ней, ответить на волнующие писателей-эмигрантов вопросы об участи России, а и понять ее как таковую – ее народ, его психологию, его отношение к себе самому и своему месту в мире.

Ключевые слова: историософский роман, этнографический роман, археологический роман, историческая тематика, русское Зарубежье.

Русская литература периода эмиграции в последние двадцать лет возвращается к своему читателю на родине. Исполнилось предсказание видного историка литературы Г. Струве о том, что «...зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутриросийские. Много ли может советская русская литература противопоставить «Жизни Арсеньева» Бунина, зарубежному творчеству Ремизова, лучшим вещам Шмелева, историко-философским романам Алданова, поэзии Ходасевича и Цветаевой, да и многим из молодых поэтов, и оригинальнейшим романам Набокова? Эту нашу теорию «единого потока» мы смело можем противопоставить советской, которая там к тому же не в чести» [4, 22]. Действительно, к читателю вернулись и стали неотъемлемой частью великой русской литературы лучшие произведения, написанные в изгнании. О них упоминается в учебниках, учебных пособиях, справочных изданиях. Анализ этих работ дает возможность говорить о насущной необходимости обратиться к изучению произведений «второго» ряда, поскольку именно они составляли то, что зовется «литературой», были обращены к своему читателю, да и не только к своему, активно переводились на европейские языки. В ней историческая тематика выражена глубоко и оригинально, но несколько иначе, чем в произведениях, теперь воспринимаемых как классические.

На наш взгляд, такое изучение способно уточнить представления о многообразии поисков русских писателей, оказавшихся в эмиграции. Они не только, как пишет Л. Бронская, работали в форме «либо художественной автобиографии, либо собственно документальных жанров: мемуаров, дневников, воспоминаний, писем» [2], но и развивали достижения русской литературы, с которыми были знакомы по рождению и образованию. Многие из них начинали писать еще на родине и, как В. П. Крымов, продолжили начатое уже в Европе. Цель статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать своего рода типологию исторических поисков писателей-прозаиков «первой» волны эмиграции, основанную на формах осмысления русской истории. К сожалению, пока нет работ, в которых бы эта проблема решалась последовательно и всесторонне.

Ю. Бабичева совершенно справедливо объяснила причины, по которым в литературе эмиграции преобладали мемуарные и автобиографические (или псевдоавтобиографические) произведения [1]. Между тем, Г. Струве дает обширный обзор литературы «второго» ряда, называет произведения тех, кто создавал романы, написанные для широкой публики и рассчитанные на занимательное и увлекательное чтение. Обращение к истории недавней, а чаще всего, к событиям многовековой давности, выполняло во многом компенсаторную функцию, даже если автор ставил и решал болезненные для его читателей проблемы. Одним из примеров может быть роман П. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени», осмысление русской истории в котором можно условно назвать по-

литическим. Во многом опираясь на свой военный опыт, ставший свидетелем двух революций и гражданской войны, автор создает художественное полотно, призванное ответить на вопрос о том, как в России могла произойти революция и гражданская война. Ценность этому произведению придает беспощадный анализ политических ошибок, допущенных правительством, а также вялая реакция военных властей на разложение армии, которую он считал центром российской жизни. П. Краснов был последовательным и убежденным монархистом, потому страницы романа, посвященные царю, наполнены теплом и болезненным страхом, что, вероятно, связано с опытом, которым обладал автор, и знанием об убийстве царской семьи, которое приносило ему боль.

Картина русской жизни, предшествовавшая революции, показана сквозь призму восприятия центрального персонажа, который, на наш взгляд, во многом является автобиографичным. Потому так исповедально звучат его внутренние монологи о тщетности усилий по просвещению народа, об опасности радикализма левых, о развращенности высших военных чинов и пр. В романе сделан и неоднозначный вывод о сути народного характера, развращающем влиянии на него заморских идеологий, о легкомысленности и эгоизме правящего класса и пр.

Иную перспективу русской жизни и форму выражения национальной исторической памяти, назовем ее «региональной», создает в своем многотомном романе «Чураевы» Г. Гребенщиков. С. Царегородцева полагает, что наиболее уместным контекстом для изучения этого романа-хроники является региональная, прежде всего, сибирская проза. Но помещение «Чураевых» в иной контекст – эмигрантской прозы, – показывает, что лишь региональным аспектом ограничиться нельзя. В романе воссоздается путь духовных исканий нескольких поколений русских людей, выходцев из старообрядцев. Писатель является замечательным живописцем. Им созданы выразительные картины сибирской природы, показанные живо, ярко, а также целая галерея образов, позволяющих показать силу русского духа в человеке из русской глубинки. Искания правды, а также своего Бога побуждают

его героев познавать Россию во всем многообразии ее проявлений, а также иные страны и народы. Думается, и для Г. Гребенщикова вопрос о причинах катастрофы, произошедшей с Россией, был одним из определяющих.

Сравнение этого романа с трилогией В. Крымова «За миллионами» свидетельствует о типологически сходных процессах в русской прозе «второго» ряда. Если в «Чураевых» поначалу в духе неонароднических настроений воздвигается памятник сибиряку-старобрядцу, то трилогии В. Крымова главным героем стал, по словам И. Тхоржевского, потомок Фрола Скобеева. Наш анализ свидетельствует о плодотворном использовании писателем «памяти» жанра (М. Бахтин) плутовского романа. Наряду с ним можно рассматривать и прозу С. Минцлова, сотрудника «Русской мысли» и «Современных записок». После «таежной побывальщины» «Царь Берендей» им написан ряд исторических романов, в том числе, «Под шум дубов», «Гусарский монастырь» и пр. Это все проза «второго» ряда, в которой русская история получает своеобразную и в каждом случае оригинальную интерпретацию.

В. Крымов вошел в историю русской литературы, скорее, не как хороший писатель, а как примечательная личность. Его интерес к русской истории, на наш взгляд, следует связывать с его сотрудничеством в ряде изданий, обращенных к самому широкому кругу читателей. Он изображал жизнь, быт, нравы дореволюционной России как провинциальной, особенно раскольничьей, так и столичной, создал ярких сатирических персонажей, вводя в свои произведения авантюрный элемент. Его главный герой живет в погоне за наживой, и здесь во многом слышны отзвуки собственного опыта писателя. Г. Струве писал о нем так: «До революции Крымов был известен как издатель иллюстрированного журнала «Столица и усадьба» и как способный и бойкий журналист, сотрудник суворинских газет, изъездивший много дальних стран и печатавший книги о своих путевых впечатлениях. ...В Крымове вообще сосуществуют внешняя литературная умелость, некоторый сатирический дар и отсутствие чувства меры и вкуса. «Фуга», например, некоторые страницы которой читаются не без интереса, завер-

шается классической по пошлости концовкой» [4, 94].

К. Померанцев начинает свои воспоминания с утверждения, что «личностью он, пожалуй, был заурядной, но человеком необычным. Раскрывать этой антиномии не буду: пусть каждый по прочтении главы сам выведет заключение» [5]. Автор современной публикации Н. Салагубова приводит реплики современников о нем, в которых выразительно подчеркнута своеобразность этого человека. Так, она цитирует слова Е. Белозерской-Булгаковой, что он «из России уехал, как только запахло революцией, «когда рябчик в ресторане стал стоять вместо сорока копеек – шестьдесят, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно», – его собственные слова. Будучи богатым человеком, почти в каждом европейском государстве приобретал недвижимую собственность, вплоть до Гонолулу...» [3]. Р. Гуль говорил, что писатель «был человеком необычным. Умный, сухой, к людям совершенно безразличный, без всяких сантиментов, только деловой, а целью «дел» были – деньги» [3], а В. Яновский замечал, что его купеческая гениальность «действовала на нас, искривляя перспективу» [3]. В его произведениях не видели особой глубины, поисков истины, но в них, несомненно, был хороший слог, занимательная интрига и точные наблюдения над человеком, психологию которого он, как талантливый предприниматель, понимал довольно хорошо.

Приведем замечательный фрагмент из воспоминаний К. Померанцева, дающий, как нам представляется, возможность видеть облик писателя, учитывающего горизонт ожиданий своих читателей и понимающего, что им нужно предложить: «Искусство не ценил, да и ничего в нем не понимал. В России, когда еще видел, ходил на балет, но лишь потому, что на него ходили снобы и знать. Детей, конечно, не имел: «От них одни хлопоты и неприятности, а что из них выйдет – неизвестно». Презирал также мораль и религию. Хвастался тем, что его «выгнал Толстой». Студентом он пошел к нему спросить – как нужно жить? – и Л. Н. ответил: «Слушаться голоса совести». Молодой Крымов ответил: «У меня совести нет». Тогда Л. Н. дал понять, что им больше не о чем говорить. Уже живя в Пари-

же, В. П. решил встретиться с Бердяевым, отправился к нему и сразу же задал вопрос: «Считаете ли вы Христа Сыном Божиим?» Получив ответ, что да, он сказал: «Тогда нам не о чем говорить», и уехал домой. ...Человек он был скорее неприятный, но во всех отношениях необычный. Коммерческие (или, лучше, предпринимательские) способности, позволившие ему выбиться в «большие люди» (да еще в какие!), породили в нем чувство превосходства над другими и презрения к бедным, которых он считал ниже себя, прежде всего в умственном отношении. В действительности же, почти всегда было наоборот. Ко времени моего с ним знакомства он написал уже около двадцати книг. Георгий Адамович считал их «ниже всякого уровня». Я бы все же выделил среди них две: «Феньку» и «Сидорово учение», в которых он, местами даже талантливо, рисует характер и быт русских староверов. Показательно, что относительно одной из других, «Бог и деньги», он говорил мне, что ее надо было бы назвать «Деньги и Бог», настолько деньги являлись для него высшей ценностью» [5]. Отношение В. Крымова к литературному труду, а также особенности сохранения национальной памяти в его произведениях позволяют говорить о нем как о создателе массового «продукта», и ни о какой особой миссии русского писателя, которую он мог выполнять, конечно, не может быть и речи.

Совершенно иное, по-видимому, отношение к собственной задаче и к своим произведениям было у Г. Гребенщикова. Во всяком случае, он полагал важным сохранять и пропагандировать память о русской, в том числе, и сибирской культуре, неутомимо читал лекции о ней, но, главное, трудился над своим многотомным произведением. Его первый том был написан еще в России в 1913–1917 гг., но опубликован на родине не был, и вся хроника выходила в свет уже за рубежом. Воспринята она была неоднозначно и критике подвергался, прежде всего, традиционализм его прозы. Своеобразие художественного осмысления русской истории, показанной через историю одной семьи, состоит в том, что образцом для писателя было творчество Л. Толстого, а также воплощение религиозных поисков его героя. Несмотря на то, что «Чураевы» вряд ли можно отнести к

«высокой» литературе, это многотомное повествование, конечно, создавалось не для развлечения. Автора волновали поиски «русской идеи», укрепление религиозности, возвращение к исконным русским ценностям, как он их понимал.

Обращение к исторической тематике в прозе русского Зарубежья первой волны эмиграции ставило своей целью не только постичь логику русской истории, понять причинно-следственные связи в ней, ответить на волнующие писателей-эмигрантов вопросы об участии России, а понять ее как таковую – ее народ, его психологию, его отношение к себе самому и своему месту в мире. Свидетельством этому могут быть произведения двух писателей, вошедших в литературу в разное время, но понимавших логику исторического процесса во многом сходно. Речь идет о Д. Мережковском и М. Алданове, создателях прозы историософской. Если первый стал известен еще в конце XIX в. и зачастую воспринимался, как живой классик, то М. Алданов лишь свои первые произведения опубликовал в России, а известность приобрел уже в Европе. Сопоставление их наследия способно вызвать удивление: они писали на одни и те же темы, касались одних и тех же исторических периодов и оба стремились обойти время, осмысленное в «Войне и мире» Л. Толстого, хотя Д. Мережковский все же рискнул подойти к воплощению этой эпохи ближе, чем М. Алданов. Оба писателя – мастера историософской прозы, правда, историческая концепция у каждого из них была своя. Оба писали циклами, и между их произведениями существовала внутренняя связь, что соответствует и представлениям модернизма о том, что все стороны творчества писателя направлены на выражение какой-либо одной, все связующей, идеи. Г. Струве писал о М. Алданове, что «в первые же шесть лет эмиграции им было написано четыре исторических романа, за которыми последовало еще десять романов (неравной длины) о прошлом и настоящем, связанных между собой в некий сложный, нелегко поддающийся расшифровке, узор» [4, 87]. Позднее в том же обзоре исследователь вновь заметил: «Ко всем этим вещам, связанным между собой неким единством замысла...» [4, 182], имея в виду соединен-

ность между собой всего, что написано М. Алдановым. Их связывало представление о всеобъемлющей власти Случая. Потому, вероятно, Г. Струве полагал, что его романы «столь же историко-философские, сколь и историко-психологические, и постепенно история вытесняется из них психологией. ...В лучших его романах достаточно действия, а об их занимательности говорит их успех у широкой публики, русской и нерусской, но не это в них главное. Из трех элементов романа – действия, характеров и стиля – два последних в романах Алданова по меньшей мере равноправны с первым» [4, 89]. Понимая мировую историю как «большую», а судьбы людей как историю «малую», писатель строит свои произведения так, что цепь «малых» историй включается в историю «большую», полную трагедий, переворот, а к XX в. – испепеляющих человечество конфликтов и войн. У Д. Мережковского историософская концепция так же была выражена во всех произведениях, начиная с его первого романа «Отверженный (Юлиан Отступник)». О ее специфике нам уже приходилось говорить. Оказавшись в эмиграции, он потерял интерес именно к русской истории и обратился к темам, вызывавшим немалое удивление у его современников: истории древнего Вавилона, Египта, Атлантиде как родине современной Европы, истории жизни и деяний Иисуса, а также св. Павла и Августина, Франциска Ассизского, Жанны д'Арк, испанских мистиков и великих реформаторов.

Осмысление прозы первой «волны» русской эмиграции в таком аспекте позволяет ее расположить на прямой – от глубокой историософии Д. Мережковского и М. Алданова через политическую интерпретацию П. Красновым и «региональную» Г. Гребенщикова и С. Минцлова – к изображению истории как авантюры у В. Крымова. Это в полной мере соответствует картине развития литературы до революции или, говоря иначе, и в эмиграции она развивалась как живой организм, включавший как «высокое», так и «низкое», как философское, так и развлекательное, способное, к тому же, приносить доход ее авторам, а значит, может уточнить наши представления о своеобразии ее функционирования в отрыве от родины.

Список использованной литературы

1. Бабичева Ю. Автобиографическая трилогия Гайто Газданова, или история загадочной болезни / Ю. Бабичева [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.darial-online.ru/2003_3/babich.shtml.
2. Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья (первая половина XX века) : И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин : автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук : спец. 10.01.01 / Людмила Игоревна Бронская. — Ставрополь, 2001. — 20 с.
3. Салагубова Н. Владимир Крымов — отец русского гламура и желтой прессы / Н. Салагубова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nasha.lv/rus/novosti/ng/istorija/gazeta-2009-07-16/12354.html>.
4. Струве Г. Русская литература в изгнании / Глеб Струве // Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский ; вст. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского ; 3-е изд., испр. и доп. — Париж : YMCA-Press; М. : Русский путь, 1996. — 448 с.
5. Померанцев К. Д. Сквозь смерть / К. Д. Померанцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://radashkevich.info>.
6. Царегородцева С. С. Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи : автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук : спец. 10.01.01 / Светлана Сергеевна Царегородцева. — Томск, 2005. — 20 с.

К. В. ХІНКІЛАДЗЕ

СПЕЦИФІКА ІСТОРИЧНОЇ ТЕМАТИКИ У ПРОЗІ РОСІЙСЬКОГО ЗАРУБІЖЖЯ ПЕРШОЇ «ХВИЛІ» ЕМІГРАЦІЇ

У статті пропонується типологія історичної тематики прози першої «хвилі» російської еміграції. Звернення до російської історії є метою не лише осягнути її логіку, зрозуміти її причинно-наслідкові зв'язки, відповісти на питання про долю Росії, що хвилюють письменників-емігрантів, а й зрозуміти її народ, психологію, його ставлення до себе самого та свого місця у світі.

Ключові слова: історіософський роман, етнографічний роман, археологічний роман, історична тематика, російське Зарубіжжя.

К. KHINKILADZE

SPECIFIC OF HISTORICAL SUBJECT IN THE PROSE OF THE FIRST «WAVE» OF RUSSIAN EMIGRATION

Typology of historical subject of prose of the first «wave» of Russian emigration is offered in the article. An address to Russian history was a purpose not only to understand its logic, understand its cause-and-effect relation, to answer a question about the fate of Russia, that fluster writers-emigrants, but also to understand it are people, psychology, his attitude toward itself and place in the world. Methods for the decision of this difficult task were different.

Key words: historico-philosophical novel, ethnographic novel, archaeological novel, historical subject, Russian Foreignness.

Стаття надійшла до редколегії 13.12.2013 р.

УДК 821.161.2Д-3.09-055.2

Т. В. ХОМ'ЯК

ЖІНОЧІ ОБРАЗИ ТА ЗАСОБИ ЇХ ХАРАКТЕРОТВОРЕННЯ В РОМАНІ Н. ДОЛЯК «ГАСТАРБАЙТЕРКИ»

У статті аналізуються образи жінок-заробітчанонок у романі Н. Доляк «Гастарбайтерки». Акцентовується увага на основних засобах їх характеротворення.

Ключові слова: внутрішній монолог, образ, пейзаж, портрет, психологізм.

Проблема заробітчання не нова в українській літературі. До неї звертались письменники і в XIX, і в XX, і в XXI століттях. Порушено її і в дебютному романі «Гастарбайтерки» письменниці із Вінниці Наталки Доляк. Твір ще не став об'єктом пильної уваги літературознавців, оскільки з'явився друком лише у 2012 році (як виняток – передмова О. Хвостової). Детальний аналіз ще попереду, а наше

завдання привернути увагу до вартісного твору, осмислити сутність образів жінок-гастарбайтерок, розкрити основні засоби їх характеротворення.

Роман «Гастарбайтерки» про долю українських заробітчан у Німеччині. Про історію його написання Н. Доляк розповіла 27 лютого 2013 року в книгарні «Є». Хоча писала вона роман із власного життєвого досвіду, але не